

благодаря милостивому обращению с ларошельцами. Кто-то шутил добавлял «аркебузир»,³ и стали говорить: Людвиг, «Справедливый аркебузир». Однажды, спустя уже много времени, Ножан, играя с Королем не то в мяч, не то в волаан, крикнул ему: «Бейте, Государь!». Король промахнулся. «О! — воскликнул Ножан, — вот уж взаправду Людвиг Справедливый». Король не рассердился.

Он был немного жесток, как и большинство замкнутых и малодушных людей, ибо правитель наш доблестью не отличался, хотя и желал прослыть отважным. При осаде Монтобана⁴ он безучастно взирал на тех гугенотов, которых Бофор⁵ велел оставить в городе; большинство из них были тяжело ранены и лежали во рвах замка Королевской резиденции (рвы эти были сухие, и раненых снесли туда, как в наиболее надежное место); Король так ни разу и не распорядился напоить их. Несчастных пожирала муха.

Долгое время он развлекался тем, что передразнивал гримасы умирающих. Узнав, что граф де Ларош-Гийон* находится при смерти, Король послал к нему дворянина, дабы справиться, как он себя чувствует. «Скажите Королю, — ответил граф, — что он сможет поразвлечься довольно скоро. Ждать вам почти не придется: я вот-вот начну свои гримасы. Не раз помогал я ему передразнивать других, нынче настает мой черед». Когда Сен-Мар был осужден, Король сказал: «Хотел бы я посмотреть, как он гримасничает сейчас на эшафоте».

Иной раз он довольно разумно рассуждал в Совете и даже, казалось, одерживал верх над Кардиналом. Быть может, тот незаметно для него нарочно доставлял ему это маленькое удовольствие. Королю погубило беделье. Некоторое время у власти стоял Пизьё, затем Ла-Вьевиль, Суперинтендант Финансов, который стал чем-то вроде министра еще до того, как наступило всемогущество Ришелье, и чуть было не забесил решительно всех. Ему нравилось выводить из терпения дам, которые приходили к нему на прием. Когда у него просили денег, он протягивал руки вперед, словно для плаванья, приговаривая: «Плыву, плыву, дня-то уже под ногами нет». Скапен⁶ пришел к нему однажды, не помню уж с какою просьбой; стоило ему появиться, как Ла-Вьевиль начинает палясничать. Скапен смотрит на него и наконец говорит: «Вы, сударь, все моим ремеслом занимаетесь, займитесь-ка теперь своим». Король, заставив Ла-Вьевилью поесть мочного сена, дабы улюбезить его лошади, на завтра вверяет ему Суперинтендантство финансов. Кто из них, по-вашему, больше заслужил есть сено? Когда, наконец, маршал Орпано добровольно сел в Бастилию, дабы оправдаться в том, в чем, по его словам, он обвинялся, пошел слух, что причиной тому — Ла-Вьевиль. Слухи Месье⁷ вывели из себя своего хозяина, который ругался до тех пор, пока Ла-Вьевиль не был уволен в отставку; случилось это в Сен-Жермене; п

* Это был человек, который умел забавно говорить.

8 Жедон Таллеман де Рео